МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ
ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ФОЛЬКЛОР XXI ВЕКА:
Герои нашего времени

Сборник статей

МОСКВА
2013

УДК 397+97 (83.3ф)
ББК 83.3ф (13)
Ф83

Автор проекта: **А. С. Каргин**

Составитель: **М. Д. Алексеевский**

Редколлегия:
М. Д. Алексеевский, М. В. Ахметова, В. Е. Добровольская, Е. А. Зайцева, А. Б. Ипполитова, Н. Е. Котельникова, В. В. Новожилов, И. Е. Посоха

Фольклор XXI века: Герои нашего времени: сборник статей / Ф 83 сост. М. Д. Алексеевский. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. — 352 с.
ISBN 978-5-86132-112-9

В сборник вошли статьи и публикации, посвященные изучению персонажей современного фольклора и новейшей мифологии, которые были подготовлены по материалам докладов на международной научной конференции «Фольклор XXI века: Герои нашего времени». Авторы статей пытаются определить круг знаковых героев современного фольклора, объяснить причины их популярности в наши дни, выявить их отличительные характеристики, определить происхождение образов, формирующихся под сильным влиянием популярной культуры.

Издание предназначено фольклористам, антропологам, культурологам, а также всем, кто интересуется современным фольклором.

УДК 397+97 (83.3ф)
ББК 83.3ф (13)

ISBN 978-5-86132-112-9

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Каргин. Современный фольклор: на подступах к изучению 5
М. Д. Алексеевский. Заметки об истории изучения персонажей современного фольклора 17

Раздел I
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ГЕРОИ ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

П. С. Петрова. Кикимора Вятская и Кощей Тверской, или Фейклорная карта России 30
П. С. Куприянов. Ныробский узник: исторический персонаж как «гений места» 39
Л. В. Рубцова. Иммануил Кант, королева Луиза — новые персонажи мифологических рассказов Калининградской области 55
Д. В. Громов. Святая Софья Новодевичьего монастыря: кто она и откуда? . . . 61
М. В. Ахметова. Петр Денисович Матвеев из Боровска: конструирование образа городского чудака 72
Н. В. Петров. Между ангелами и космонавтами, или Как рождаются *новички* 88
Е. Е. Бычкова. Образ бомжа в детском фольклоре городских дворов 100

Раздел II
СУБКУЛЬТУРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ, МИФОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОР

Н. В. Кургузова. Специфика женского образа девичьего рукописного рассказа 108
А. Г. Кулешов. Современный народный мастер: между традицией и китчем . . . 123
Е. В. Сафронов. Современные экстрасенсы: особенности самопрезентации 132
И. Н. Райкова. Профессионал в балете: устные и виртуальные самоидентификации 141

Р. Н. Абрамов, Е. Г. Фень. Шахматисты и волейболисты: локальные городские сообщества парка «Царицыно» 157
*Д. **Б. Писаревская.*** Мифотворчество в соционическом сообществе 175
В. В. Виноградов Грязная машина как tabula rasa: Герои воображаемых диалогов 188

Раздел III
ГЕРОИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н. А. Власкина. Казаки on-line: прагматика и способы использования компонентов традиционной культуры казачества в интернет-пространстве 204
О. И. Васнева. «Ангелы» и «демоны» Рунета: тендерный аспект мифонимов в интернет-никах 213
Н. И. Ефимова, Т. А. Золотова. Рыцари виртуальной реальности: о некоторых закономерностях конструирования персонажей компьютерной игры 225
М. Г. Матлин. Котэ — герой демотиваторов Рунета 235
О. Е. Фролова. Индивидуализированные и неиндивидуализированные новые герои анекдота в Сети 259

Раздел IV
ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЮМОР И ЕГО ГЕРОИ

А. С. Архипова. Анекдоты о Штирлице: герой и его прототип 276
И. А. Бессонов. Блондинка как персонаж современного анекдота 288
А. С. Астапова. «Благодаря отверстиям в зонтике я сразу определяю, когда кончается дождь»: образ рассеянного профессора в современном студенческом анекдоте 299
А. А. Щёголева. Преподаватель как персонаж современного студенческого фольклора 316
Н. Г. Урванцева. «Кто не был студентом, тому не понять...»: образ студента **в** студенческом фольклоре 325

Наши авторы 349

Е. В. САФРОНОВ

Современные экстрасенсы: особенности самопрезентации

Знахарству, личности «знающего», так называемому «колдовскому дискурсу» посвящено значительное количество исследований[1]. В основном, указанные работы базируются на представлениях и нарративах, записанных от тех информантов, которые, условно говоря, рассказывают «не о себе». Другими словами, респонденты не преподносят себя в качестве людей, обладающих необычными способностями. Отчасти именно этим объясняется то обстоятельство, что в центре внимания исследователей обычно находится магико-мифологический либо социокультурный аспекты «колдовского дискурса»[2].

В настоящей работе мы обратимся к этой теме с несколько иной точки зрения, сосредоточившись, скорее, на коммуникативном аспекте.

Термин «экстрасенс»[3] в этой статье используется для условного обозначения тех информантов, которые в процессе беседы с собирателем презентовали себя как люди, обладающие сверхъестественными способностями (например, сообщали о том, что они могут предсказывать будущее, диагностировать и излечивать различные заболевания, «чувствовать» случившуюся с близкими и знакомыми беду и т. п.). Задача этой статьи — проанализировать основные составляющие такой презентации. Иначе говоря, нас интересует то, из чего складывается диалог информанта и собирателя в том случае, если первый из собеседников осмысляет себя в качестве экстрасенса.

[1] Назовем здесь лишь некоторые — последние по времени — работы, в которых представлены обширные библиографические списки литературы, связанной с указанной темой: [Христофорова 2010; Пространство колдовства 2010; Мазалова 2011; Виноградова 2000; Криничная 2004, Логинов 1993 и др.].

[2] В настоящей работе мы дистанцируемся от часто упоминающегося разделения магических специалистов на «знахарей» и «колдунов» (иногда выделяют еще и «ведунов» [Добровольская 2001, 95]), а также дискуссий, связанных с этой типологией. В данном случае имеются в виду вообще те люди, которым приписываются определенные сверхъестественные способности.

[3] Этот термин и его популяризация в СССР в начале 80-х годов прошлого века приписываются философу А. Г. Спиркину [см., например: Интервью 2010; Кючарьянц 2011].

Материалом для статьи послужили записи бесед с пятью рассказчиками. Важнейший критерий отбора этих информантов — их ориентация на реалии современной городской культуры (несмотря на то, что все они проживают в селе): например, апелляция при разговоре с собирателем к знаниям, почерпнутым из популярных книг и телепередач о магии, гаданиях и астрологии (в частности, при описании своей деятельности в качестве «целителя»).

Отметим, что во всех пяти беседах доминирующую роль играет информант: разговор представляет собой, скорее, монолог, изредка прерываемый комментариями и уточнениями исследователя. Такая форма организации беседы характерна для людей, чья устная автобиография основывается на «я-сюжете», составленном из описаний неординарных (часто — сверхъестественных) событий[4].

Указанный «я-сюжет» имеет свою логику развертывания (логику подачи текстов): самопрезентация экстрасенсов обычно начинается с сообщения о том, когда и при каких обстоятельствах впервые проявились их сверхъестественные способности. Очень часто этот эпизод связан с описанием трагических жизненных обстоятельств.

Так, знахарка Галина Ивановна М-ва[5] впервые начала «отчитывать» (лечить) людей после того, как спасла собственную дочь, оказавшуюся на операционном столе:

> «<Девочка родилась с пороком сердца; врач после операции сообщает информантке, что шансов спасти ее дочь нет.> И я ему, значит, говорю: "Пропустите меня в реанимацию к моему ребёнку: я спасу ребёнка <…>" — "Ну, что вы! Мы не имеем права! Нет-нет-нет. Нельзя в реанимацию, ни в коем случае!". И я в наглую <…> профессору говорю: "Если вы меня сейчас не пропустите, я всё равно пройду: вы будете колом горячим стоять, в ряд выстроитесь, и никто мне — пальцем не дотронетесь до меня". <…> И вот когда я её в реанимации отчитывала: три дня, день и ночь я её отчитывала, на четвертый день нас перевели в общую палату, на десятый нас выписали домой. И вот когда перевели нас в общую палату, приходит ко мне <врач> и говорит: "Ну, всё, я всё видел, я всё понял: снимайте с меня всю дрянь, я не могу больше ребятишек тянуть с того света! Не могу!". <…> И я вот с него три дня подряд снимала с него всю эту дрянь, когда всё сняла — *первый раз, первый клиент у меня был* <…> <М-ва возвращается со спасенной дочерью в свое село>. И когда приехала оттуда рассказываю, значит, всем своим родным об этом, что произошло, как, что, чего — и я не знаю, как пошли слухи по С-ю <название села>, ко мне пошли люди со слезами, стали проситься <т. е. стали приходить на лечение>».

[4] Подробнее об этом см.: [Сафронов 2012].

[5] М-ва Галина Ивановна, 1952 г. р., средне-специальное образование, проживает в Майнском районе Ульяновской области. Паспорта информантов в настоящей работе не приводятся полностью по соображениям полевой этики.

Другая знахарка — Валентина Николаевна В-кая[6] — стала лечить после смерти двух своих сыновей:

«Только через детей я стала ходить в церковь, только через детей <после их гибели>. Я стала ходить в церковь, я приобрела молитвы. Я стала искать, что же такое на свете есть. <...> И я стала каких-то бабок находить, то есть почему-то у нас есть, — спросить: непонятно, <кто> такие черти, что такое вообще домовые, дворовые и вообще, — всё это есть».

Описание трагических событий, которые подтолкнули названных экстрасенсов к целительской практике, предваряется специальным комментарием, подчеркивающим неожиданность и судьбоносность произошедшего. В частности, сообщается о том, что ранее информантки вели совершенно иной («греховный», далекий от Бога) образ жизни. Так, по словам М-вой, до ситуации с дочерью она работала директором ресторана:

«Мне хватало всего — я никого ничего не признавала: в Бога, конечно, верила, но не настолько, насколько это сейчас». В-кая до смерти сыновей также «ничего не признавала: в библиотеках вела вот беседы всякие вот эти. Там... какие там конкурсы были, всё там, там тематические вечера, всё это. <...>. Это я просто раньше жила: надо работать, получать, я была очень красивая, я была грамотная такая вот. Я считала, что все у меня в жизни достаточно».

Другая рассказчица — ясновидящая Ирина Петровна К-ва[7] — открыла в себе способности видеть будущее и «исправлять» ситуации (изменять «плохую судьбу» близких) также после целой череды несчастий и смертельно опасных ситуаций, из которых информантка и ее близкие чудесным образом спасались. Например, К-вой в детстве поставили диагноз «рак легких»; она долго болела, однако после того, как ей приснилось необычное, иномирное сновидение (она бежала во сне по «неземной» зеленой поляне, покрытой водой; тропу ей освещал луч теплого света; некий голос произнес ей: «Назад!» — и информантка «очнулась»), К-ва выздоровела и диагноз сняли: *«Видимо, что-то после этой болезни — что-то со мной случилось* <открылись способности к ясновидению>».

Рассказ о постепенном открытии в себе необычных способностей предваряется у К-вой следующим сообщением, также подчеркивающим иной образ жизни информантки до открытия в себе необычных способностей:

[6] В-кая Валентина Николаевна, 1949 г. р., средне-специальное образование, проживает в Барышском районе Ульяновской области.

[7] К-ва Ирина Петровна, 1960 г. р., высшее образование, проживает в Алатырском районе Чувашской республики.

«Конечно, я до восемнадцати лет была некрещёной, хотя мои предки были очень такими набожными. <...> Я сама в школе была по жизни и председателем совета дружины пионерской организации: школа была очень большая, на мне было шестьсот человек. Потом секретарем комитета комсомола школы, когда с тебя все педсоветы начинались и за всё тебя... Но при этом еще даже не зная, можно сказать ничего не зная (вот где-то это, видимо, генетически в душе всё сидит) я всё время параллельно шла: я делала больше, считай, духовное».

О некоторых указаниях на будущую необычную судьбу (еще до тех трагических ситуаций, о которых говорилось выше) сообщают и две предыдущие информантки. Например, В-кая еще в раннем детстве удивляла близких рассказами о своих сновидениях, которые затем сбывались. М-ва, будучи девочкой, видела умерших во сне, которые обращались к ней с просьбой или предсказывали какие-то будущие события[8] (часто опосредованно — в виде намека, символа). Кроме того, некоторые экстрасенсы упоминают о своих предках, которые также могли лечить и предчувствовать будущее.

В большинстве случаев основная часть беседы с экстрасенсами состоит из сообщений о конкретных случаях исцеления, ясновидения, сверхъестественного спасения от смертельных опасностей и т. п. Таким образом, оправдываются вполне понятные ожидания слушателя-собеседника: необычные способности должны сопровождаться необычной судьбой.

Рассказы информантов, относящих себя к знахарям, можно подразделить на те, что обусловлены собственно целительской практикой (описания удачного излечения), и те, что сюжетно связаны с другими проявлениями необычных способностей (например, видение «ауры» человека, предчувствие несчастий и др.).

Так, Антонина Васильевна Т-на[9], которую жители окружных поселений называют «бабушка-рентген», помимо случаев исцеления, сообщает о своих способностях видеть то, что скрыто от обычного человека:

«Все ниточки, вон они <показывает рукой> — ниточки, с неба вот какие-то полосочки, вы <к собирателю> их не видите: она вот так идет-идет <показывает: перебирает рукой невидимую нить>. Вот наблюдаю за ними. <...> Какие-то тарелочки летают, какие-то нити... Их много-много, какие-то воздушные, такого же цвета, как воздух. Это очень красиво. <...> <Информантка научила видеть «тарелочки» свою внучку>. Я внучке говорю: "Это самое, — говорю (в школе она училась), говорю, — Лид!.." — эти тарелочки летают, а она их увидела. В школе: "Сижу, — говорит, — бабуль, столько

[8] Вообще, в беседах с экстрасенсами рассказы о вещих и иномирных сновидениях встречаются нередко (см. об этом, например: [Сафронов 2012]).

[9] Т-на Антонина Васильевна, около 60 лет, среднее образование, проживает в Майнском районе Ульяновской области.

<их> над этим в лучике!". <Учитель говорит внучке информантки:> "Пронина! Ты что, спишь, что ль?". А она увлеклась, её спрашивают, а она не слышит. Это очень интересно».

Приходящие к Т-ной на лечение перед визитом к ней должны поститься, так как еда мешает точному диагнозу. Соответственно, были записаны несколько рассказов (и от нее, и от ее бывших клиентов) о том, что она угадала («увидела») цвет пищи, которую пришедшие съели накануне. Также Антонина Васильевна, например, может определить наличие камней в почках или разрезать кожу, не прикасаясь к ней: *«На самом деле я могу и разрезать чего-нибудь пальцами: а что это, не знаю... Если там, допустим, там волдырь какой-нибудь водяной»*.

Описания удачного излечения — это своеобразные «рассказы-пластинки», представляющие собой развернутые, богатые деталями тексты, которые, судя по всему, многократно воспроизводятся экстрасенсами — в том числе при общении с клиентами (что позволяет усилить эффективность воздействия на того, кто нуждается в лечении).

Приведем только один пример, записанный от М-вой:

<«Будущей клиентке информантки — тяжело больной женщине, проживающей в Сыктывкаре — приснился сон: некая> женщина приносит <ей> фотографию мою <рассказчицы-знахарки>, — и говорит ей: "Вот смотри: запоминай эту женщину, только она сможет тебе помочь, записывай её адрес: Ульяновская область, Майнский район, село С-е. Ты её — даже если её облик забудешь — ты узнаешь её по пышным волосам". Я, говорит, тут же встаю ночью, на газете записываю адрес — газета, говорит, ручка была: на тумбочке лежала. <...> Приезжают в С-е и спрашивают: "Где у вас Галина живёт, <которая> снимает порчи? С пышными волосами!". Их <больную и ее мужа> доводят до моего дома, показывают (а дело было зимой). <...> Стучатся в дверь, я открываю дверь, она увидела меня и крикнула только: "Она!" — и потеряла сознание. <...> <М-ва "отчитывает" ее почти семь дней; все это время больная живет в доме знахарки.> И я когда полностью с неё всё сняла <т. е. вылечила>, она немного в силу уже вошла, всё. И поехала домой отсюда. Вот. <...> Они мне <потом> прислали огромную сумму денег. Для меня, конечно, по тем временам это огромная сумма была денег. Они мне прислали пять тысяч!».

В связи с последним примером стоит отметить, что некоторыми целителями специально подчеркивается, что они не берут с приходящих деньги (а, например, принимают только продукты). Есть знахари, которые сами об этом вообще не упоминают, зато тема оплаты за лечение часто возникает при разговоре с их окружением.

Большая часть беседы с экстрасенсами, не занимающимися целительством (например, с ясновидящими), состоит из рассказов о различных чудесных событиях, в том числе — о сбывшихся и иномирных сновидениях и видениях. Данные тексты обычно исчерпываются тем

же репертуаром мотивов, который характерен для рассказов, записанных от информантов-неэкстрасенсов: например, приснившиеся умершие зовут и уводят с собой (что предвещает смерть), указывают на нарушение каких-либо правил и др.[10] Однако, судя по беседам с экстрасенсами, подобные сновидения снятся им гораздо чаще, чем обычным людям. Именно этим обстоятельством, в частности, мотивируется присутствие в упомянутых беседах ряда рассуждений, которые условно можно назвать «указанием на проблемы экстрасенсов». Суть подобных фрагментов беседы сводится к своеобразной жалобе рассказчиков на трудности быть экстрасенсом: так, от регулярных необычных сновидений и видений можно устать; постоянно приезжающие клиенты лишают возможности отдохнуть; с детьми знахарей обычно отказываются дружить сверстники и т. п.

Например, вот как представлено указание на проблемы экстрасенсов в беседе с Ириной Петровной К-вой:

<«После того, как приснилось очередное сновидение, которое сбылось.) Вот они <родственники> говорят сами, например, потом: "Хорошо, что не сказала <о сновидении>!", — всё равно на кого-то потом надо скинуть, — это чуть ли не в ведьмы потом попадёшь в какие-то, да. Тоже мне, зачем это? Мне не надо. Вот так вот живу и мучаюсь, в общем. <...> Но я считаю, что... но я говорю: "Может быть, надо было предупредить?" — но я пыталась, я пыталась. Надо было, видимо, прямо сказать <о вещем сновидении>. С другой стороны, вот считается же <...>, что бесполезно предсказывать, что всё это всё равно случится. А зачем же она тогда идёт эта информация? Если бесполезно, то зачем же она тогда идёт? Что я с ней должна делать с этой информацией? Она почему мне идёт?».

Обладание способностями к исцелению также может расцениваться «как тяжелый крест»:

«Очень тяжело бывает — особенно когда вот перехватываешь на себя вот эту порчу <после лечения>. Вот дочь меня ругает за то дело: "Мама, перестань заниматься лечением)! Ты же болеешь так, у тебя давление подымается" — никакая, бывает, неделю никакая бываю. Всё. И сама про себя: "Господи! Ну, зачем мне это всё надо?!". Ведь не все относятся с благодарностью — ведь всякие сплетни же ходят. Вот я, например, с дочкой вот с младшей: училась она в школе, я этим делом занималась, с ней никто не дружил — у ней до сих пор нет подруг. Почему? Потому что: "Ее мама — колдунья! Мама у неё — колдунья!" — боялись, боялись» (М-ва).

Также нередким элементом коммуникации с экстрасенсом является «диагностика» собирателя: часто лечение, осмотр «ауры», определение возможных заболеваний происходит неожиданно для самого исследователя. Например, Т-на во время беседы попросила меня подняться,

---

[10] Подробнее см.: [Толстая 2002; Сафронов 2006].

снять очки, убрать из карманов ключи и затем начала сообщать о возможных проблемах со здоровьем — всё это без какой-либо просьбы с моей стороны. То же произошло во время разговора с В-кой (была проверена целостность моей ауры) и М-вой (было сообщено о том, что «где-то вас сглазили»).

Неожиданная диагностика нередко сопровождается сообщением различных «эзотерических» сведений, чаще всего почерпнутых из популярных книг и телепередач о магии, астрологии и иже с ними. Например, В-кая после осмотра ауры спросила у меня дату рождения, определила подходящее мне растение («дерево вяз»), рассказала о том, что вся Земля поделена на определенные участки, с которыми связаны «хорошие» и «плохие» места: *«Вот у нас вот дом, вообще, вся планета, вся Земля, она, — мы не видим только, — она разделена, она разделённая, она вся, вся вот линии. Всё-всё вот квадратики, вот крестики: плюсовые-минусовые точки»*. Далее В-кая показала, как с помощью «маятника» (золотого кольца, подвешенного на нитку) можно определять характер того или иного места в доме.

Другая целительница — Марина Васильевна П-ва[11] — сообщила, что человеческая душа живет на земле девять раз — в различных воплощениях:

> «Ведь, понимаешь, вот они девять отрезков в жизни <общей жизни души>... Некоторые говорят у человека есть "право". Да, у человека есть право поступать так, как он хочет, но в пределах дозволенного. А если ты перешёл границу, не то что ты потерял себя, ты потерял и предал то, что... получается, что ты, <например>, пятую жизнь прожил, там гулял-веселился, всё, ты не денег <sic> пропил, а ты продал то, что вот эти четыре жизни собирал, понимаешь... И поэтому каждый день надо быть благодарным за то, что он есть, вот этот вот день. Надо учиться радоваться всему!».

В процитированном отрывке сообщение собирателю неких эзотерических сведений плавно переходит в другой очень характерный для бесед с экстрасенсами эпизод — «проповедь». Последним термином мы обозначаем ряд рассуждений, используя которые информант «подключает» своего собеседника к собственному мировоззрению, старается убедить его в чем-либо — с целью произвести в нем некоторые духовно-нравственные изменения. Те или иные элементы «проповеди» встречаются в беседах со всеми упомянутыми нами в данной работе экстрасенсами. Можно предположить, что «проповедь» воспроизводится теми, кто занимается лечением, и при общении с клиентами. Содержание этого фрагмента беседы, в основном, сводится к убеждению собеседника в существовании Бога (высших сил), призыву творить добро, помогать окружающим, любить и ценить жизнь и т. д.

[11] П-ва Марина Васильевна, около 50 лет, среднее образование, проживает в Сурском районе Ульяновской области.

Например, у В-кой:

> «Вот меня сейчас поставь, скажи: "Расстреляем мы тебя, всех вас — расстреляем: скажи, что Бога нет!". Я бы сказала: "Расстреляйте, но Бог есть! Есть только Бог на свете". Мы не можем ничем руководить, мы не можем, мы не можем... Вот мы мечтаем выучиться, вот это, вот это — мы ничего не можем. Это только наша цель, вот мы её поставили, а мы сами себе не хозяева, мы сами себе не хозяева, мы не можем».

Сравните у Т-ной:

> «Вот дадена тебе жизнь, — и живи так, как: живи, радуйся каждому денёчку <...>. Надо уметь любить жизнь. Как — вот чего бы мне, плохо ли, хорошо мне. Вот встань — погляди вокруг: не так уж и плохо. Есть люди калеки, врожденные — вот этим плохо, эти неизлечимые».

В некоторых случаях информанты во время «проповеди» или непосредственно после нее дают более конкретные указания, направленные на духовные изменения или самозащиту от «плохих людей»: например, надо обязательно носить нательный крестик; отправляясь в путь, произносить молитву; идя мимо «подозрительного» человека, показывать ему в кармане кукиш.

Подобные указания (как и «проповедь») мотивируются непосредственным стремлением помочь собеседнику:

> «Просто я хочу, чтобы это до кого-нибудь дошло, донести это. Я хочу... шишки я набила в своей жизни до этого, если бы я это раньше знала, <как защитить себя от порчи, сглаза>, я бы столько не испытала горя. Я хочу, чтобы кому-нибудь помочь» (В-кая).

Еще одна характерная особенность беседы с экстрасенсами (особенно — с целителями) — регулярно встречающиеся «показатели авторитетности речи». Вырабатываются они, вероятно, в результате общения с многочисленными клиентами и используются для демонстрации своих способностей управлять человеком-собеседником, — в том числе на уровне определенных речевых оборотов. Например, у Марины Васильевны П-вой это выражалось в своеобразных рефренах — обращениях к собирателю: *«Теперь слушай дальше...»* или: *«Что ещё — спроси?»; «Ну, спроси меня что-нибудь ещё...»*. Сравните реплики В-кой, требующей от слушателя внимания и подтверждения изложенного: *«Если что-нибудь я отклоняюсь, вы задавайте мне другой вопрос, ладно?»; «Да, да, Евгений* <к собирателю>, *я нисколько* <не лгу>, *— я действительно говорю!»; «Понимаете?»; «Да, Жень, ведь на самом деле это так?»*.

Таким образом, рассмотренные особенности самопрезентаций информантов, относящих себя к экстрасенсам, позволяют говорить об определенной общности бесед с ними — на уровне основных смыс-

ловых и композиционных составляющих. Можно предположить, что это сходство обусловлено целым комплексом причин. Вероятно, важнейшими среди них являются: близость занятий и способов осмысления мира у информантов; некоторое подобие психотипов рассказчиков-экстрасенсов (что, впрочем, нуждается в доказательствах — скорее всего, междисциплинарного характера); определенные коммуникативно-культурные ожидания со стороны ближайшего окружения экстрасенсов, — значимо и то, как эти ожидания трактуются самими рассказчиками. Наконец, нельзя не учитывать и влияние исследователя-собирателя (одного для всех пяти информантов), относительное единство его интересов и способов ведения диалога.

Литература

Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.

Добровольская 2001 —*Добровольская В. Е.* Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре / сост. И. А. Морозов. М., 2001. Вып. 1. С. 95—105.

Интервью 2010 — Интервью с Еленой Спиркиной: поверим алгебру гармонией // Популярная психология. [М.], 2010. № 8. URL: http://www.popsy.ru/articles/full/stati/intervyu_elen_spirkina_poverim_algebru_garmoniej (дата обращения: 22.09.2012).

Криничная 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004. С. 379-640.

Кючарьянц 2011 — *Кючарьянц В.* Визит в иную реальность // Совершенно секретно. [М.], 2011. № 9. URL: http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/2892 (дата обращения: 22.09.2012).

Логинов 1993 — *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (кон. XIX — нач. XX в.). СПб., 1993.

Мазалова 2011 — *Мазалова Н. Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX — начало XXI в). СПб., 2011.

Пространство колдовства 2010 — Пространство колдовства: сб. статей / сост. О. Б. Христофорова. М., 2010.

Сафронов 2006 — *Сафронов Е. В.* «Иной мир» в рассказах о сновидениях и представлениях, связанных с похоронно-поминальной обрядностью русских // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей / отв. ред. О. В. Белова. М., 2006. С. 115-130.

Сафронов 2012 — *Сафронов Е. В.* Типы визионеров // Живая старина. 2012. № 1. С. 33-36.

Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М., 2002. С. 198-219.

Христофорова 2010 — *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.